

Литература и искусство

Орган правления Союза советских писателей СССР, Комитета по делам искусств при СНК СССР и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР.

№ 32 | 8 АВГУСТА | ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО | 1942 ГОД | Цена 45 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

1 стр. Передовая. Тема искусства. Б. Лавренев. Вырвем победу! Чарли Чаплин. Я призываю. Вс. Азаров. Город наш (стихи). Информация. В дни уборочной кампании. Пленум Союза писателей Белоруссии. 7-я симфония Шостаковича в США.

2 стр. М. Гельфанд. О ненависти и литературщине. П. Марков. Станиславский. В. Шкловский. Чувство современности. В. Богданов-Березовский. Труд художника.

3 стр. Проф. К. Кузнецов. Рахманинов и русская музыка. В. Смирнова. Гордость. С. Сергеев-Щенский. Талантливая книга. И. Френкель. Огонь (стихи). О. Леонидов. Два киноборника. Информация.

4 стр. М. Слободской. Фриц-интеллигент. В. Стамбулов. Марсельеза. Н. Лабковский. Неуловимый Ян. Информация. Творческое совещание ленинградских фронтовиков. 80-летие Ленинской библиотеки. В Союзе писателей. Московская хроника. По Советской стране. У писателей Киргизии.

Тема искусства

Тестостерон бот провешел на юге. Со всех сторон ползут бронированные танки, сев пламя и смерть. В руках советских воинов — сильное, смертоносное оружие. Гигантской косяк прокатывает его по рядам врагов, и валятся трупы на нашу землю, полая ее своей черной кровью. Но свистят и другие предметы: гитлеровцев. Их прельщает кубящая пшеница, або тоши животы фашистских мародеров, их вьскут богатые нефтью наши недра, або в безоблаках гитлеровских машин горючего осталось на дне, их гонит страх перед предстоящей расчлгой.

— Отступать дальше некуда, — говорит страна воину. И боец знает: за его спиной — слабая русская Волга, к которой нельзя допустить врага; за его спиной — хлеб, которым кормится он и люди в тылу, кучище ему оружие. Позади — города и села, старки, женщины, дети, смотрящие на него с надеждой и верой, зовущие его спасти их от смерти, надругательства, рабства. Они не простят самовольного отступления, они не простят ни одной минуты мучений, которым их подвергнут фашистские разбойники, если дрогнет сердце бойца Красной Армии.

В войне победу решают количество и уровень техники борющихся сторон, их экономические ресурсы, но главное — сердце солдата, стойкость, выдержка, упорство, готовность сражаться до конца, сознание каждого, что «лучше смерть, но смерть со славой, чем бесславных дней позора».

Художники — инженеры человеческих душ. Вспомним об этом еще раз, когда над родной нивася серьезная опасность. Вспомним, что мы являем средством закалать сердца людей, растить в них уверенность, воспитывать упорство, стойкость, мужество.

В такие грозные дни, как наши, каждый патриот спрашивает себя: «Что я должен делать для победы сейчас, в эту минуту?» Фронтовики знают: для победы он должен защищать тот рубеж, на котором его поставила командование. Рабочий знает: для победы он должен вырабатывать еще больше танков, самолетов, пушек, минометов, автоматов. Колхозники знают: для победы он должен убрать весь хлеб, не уронив ни одного колоска.

Такой же вопрос задает себе писатель, художник, музыкант, режиссер, артист, кинематографист. Что должна делать литература, в чем долг искусства в сегодняшние дни? — спрашивают они себя. Ответ на это дает сама практика литературы и искусства. Если родина требует от бойца стойкости, если она считает отступление без прикая позором, преступлением, — раскрой, художник, всеми доступными тебе средствами искусства величие подвига бесстрашных и стойких; покажи в то же время всю нивость трусости, покажи, какая стенья общественной отверженности ждет человека, слабого духом, дрогнувшего, не устоявшего перед врагом в грозный час испытаний. Раскрой перед красноармейцем и командиром вершины благодарности, покажи ему силу народной любви к стойким и смелым и не утай беззвонную пропасть, глупую завистника и труса. Вспомни двадцать восемь гвардейцев-панфиловцев, павших смертью храбрых на разезде Дубосеково, и закалени двадцать девятого с той же неувяжностью, с какой герои послали ему пулю выговора.

ду, когда он топил руки в знак сдачи в плен.

Искусство остро реагирует на особенности каждого дня войны. За последнее время в литературе появилось несколько произведений, отвечающих самому насущному, самому жгучему требованию нынешнего этапа войны. Это пьеса К. Симонова «Русские люди», в которой идея стойкости проходит через все поступки героев. Это очерк Бориса Горбатова в «Правде», где само слово «чужая земля» приобрело символический характер. Это рассказ Саввы Головановского «Почему погиб Иван Топчий», повествующий о том, как хотел убежать от смерти трус и поэтому погиб и как остались жить люди бесстрашные, смотрящие смерти прямо в глаза. Это стихотворение Твардовского «Отречение», о сыне, от которого отвернулся отец и мать, узнав, что он бежал с поля сражения. Это превосходные публицистические статьи и памфлеты А. Толстого и Ивана Эренбурга в «Красной звезде» и «Правде» и другие произведения. Все это вещи, разные по жанрам, по стилю, по форме, но их объединяет одна тема — стойкость в борьбе, неувяжность к врагу.

Эмоциональное воздействие всех этих произведений огромно. Они складаны в нужный момент. Но для деятелей литературы и искусства они важны еще одним своим качеством — они указывают на основное тему искусства в сегодняшние дни, в период напряженных боев на юге. И вместе с тем, это произведения на тему неувяжностью, живущую века, как ветви живут в сердце русского человека любовь к родине, глубокий патриотизм, ненависть к захватчикам, с которыми разговор может быть только один: наступить и убить. Книжки Толстого, стихи Лермонтова, поэма Руставели, памятник народному воину — блестящие образцы такого актуального творчества. Это произведения на вечные темы искусства — а это же, друзья, на темы сегодняшнего дня.

Художник смотрит на свою страну не бесстрастным глазами, а взором, полным любви к ее богатствам, к ее людям, к ее неуязвимой красоте, взором, полным ненависти к убийцам с большой дороги. Художник слышит стон девушки, угнанной в Германию и находившейся в кабале у тушек, самодовольных немецких бюргеров. Художник читает письма из фашистского тыла и видит кровь, проступающую за каждой буквой. Художник думает о судьбе России и вспоминает ее многогранный путь, ее главные традиции, ее великих сынов — Александра Невского, Суворова, Кутузова. Он должен обо всем этом сказать народу, армии, чтобы слова его жили сердца, чтобы они вели в бой, ибо, как говорил Маяковский, слово — полководец человеческой силы».

Стойкость — вот обо что разобьется немешый вал на юге. Закал, художник, его чувство! Ненависть к врагу внесет опустошение в его ряды. Закал, художник, эту ненависть в сердце бойца! И тогда твои произведения будут жить сегодня, когда гремит оружие, и завтра, когда страна будет воюющей о героической борьбе, в которой бесстрашно отдавали свои жизни отважные сыны советского народа.

В дни уборочной кампании

★ В Саратовской области 30 артистических бригад обслуживают трудящихся колхозов, совхозов и МТС во время уборочной кампании. Кроме стационарных театров Саратова и районных театров области, на село выехали бригады Московской консерватории и Государственного института театрального искусства.

★ Режиссура Ярославского театра им. Ф. Волкова подготовила для бригады, выезжающей в районы, специальный репертуар: «Честь» Галицкого, «Рядовой Шуляк» Эрмана и Вольгина, «Краснол» Струва, «Загорыль» Суходольского, и вокальные номера.

★ В Ивановской Областной драматической театр, Филармония, Театр музкомедии и Дом народного творчества направили в районы 23 артистических бригады для обслуживания колхозников, занятых на уборке урожая.

★ В районах Новосибирской области выехали в полном составе коллективы в театров. В обслуживании уборочной прит участие также 10 концертно-эстрадных бригад.

★ 1125 спектаклей и концертов дадут в период уборочной кампании театры, эстрада и музыкальные школы Пензенской области. Кроме концертных бригад,

оформирована агитбригада, которая будет выступать на месте «Живую газету».

★ Вологодское управление по делам искусства организует 11 бригад для обслуживания уборочной кампании. В репертуаре — сцены на «Егора Булуичева», отрывки из опер «Борис Годунов», «Запорожец за Дунаем», арии и дуэты на оперетт, одноактные пьесы и песни советских композиторов.

★ Для художественного обслуживания колхозов Свердловской области во время уборки урожая созданы 42 агитбригады, которые побывали в 38 крупнейших сельскохозяйственных районах и дадут не менее 900 выступлений. В составе бригад — артисты, художники, писатели, композиторы. Свердловский отдел по делам искусства подготовил специальный репертуар для агитбригад, выезжающих в колхозы. В числе авторов — В. Титов, Евг. Пермь, Н. Мерцальский, С. Высокская и др.

★ В Марийской АССР для художественного обслуживания колхозников на уборочных полевых работах выехали Марийский национальный театр, ансамбль песни и пляски, русский театр. Командьянский колхозный театр и эстрадная бригада. Специальные агитбригады организуют также кружками художественной самодеятельности.

Пленум Союза писателей Белоруссии

Вчера в зале Союза советских писателей СССР открылся пленум правления Союза писателей Белоруссии. На армия и флота и с периферии на пленум приехали М. Лыньков, К. Крапива, М. Танк, П. Глеба, П. Панченко, В. Борзенко и другие. В президиум кроме белорусских писателей избраны А. Фадеев, П. Марков, П. Скорыбин, П. Панч, А. Венков, Я. Нидер, И. Барбарус, представители партии и правительства Белоруссии.

секретарь ЦК КП(б)Б Т. Горбунов, зам. председателя СНК БССР И. Крупица, секретарь ЦК ЛКСМБ Т. Зималян, наркомпрос БССР т. Уралова и другие. Пленум заслушал доклады М. Лынькова — «Белорусские писатели в великой отечественной войне», К. Чорного — «Проза белорусских писателей» и В. Борзенко — «Белорусская поэзия за год войны». Сегодня предстоит речья по докладам.

«Вперед за родину». Рисунок Н. Жукова

Вс. АЗАРОВ

Город наш

Для врага здесь и воздух разящ. Вихрем свалит фашиста, завертит Флотский наш, гордый наш, город наш. Поднимающий знамя бессмертья. Сколько пройдено, город, с тобой этой огненной, долгой зимой!

Большая радость по-братски деля, Соль и лопот промерзшего хлеба, Жажду снега куском уюта, Прозревали косматое небо,

Угадывали там, за тьмой, рассвет, Удивительно нежный, маящий, С нами многих товарищей нет, С нами битым в бессмертье входящим.

«Победим!» Вы скрепили в грозе Честной кровью свое обещание. «Смирно!» Вспомним в молчаньи друзей. Только времена нет для прощания.

Словно горный, незлыблемый край Из бетона уюта, гранита — А Флотский наш, гордый наш, город наш, Ты на всех языках знаменитый!

Здесь, у самых подножий твоих, Бурыл пласт ископаемой стали. Вражьих крылья — мы сорвали их. Вражьих танки — мы их изломали.

Наступает походная пора, Волн соленых доносится запах. Это наша дорога на Запад, Это старая мудрость Петра.

Нам открыты пути на моря! Где б ни выпало счастье сражаться, В победных боях, В победных боях, Мы с тобой На всю жизнь — Ленинградцы! Ленинград.

ПОРТРЕТЫ РУССКИХ ПОЛКОВОДЦЕВ

По заказу Комитета по делам искусств при СНК СССР ряд московских художников приступил к работе над портретами выдающихся русских полководцев.

Портрет Александра Невского пишет художник П. Корин, портрет Суворова — С. Кацман, Кутузова — А. Герасимов. Портреты будут экспонированы на художественных выставках и отмечены массовым тиражом в издательстве «Искусство».

Б. ЛАВРЕНЕВ

ВЫРВЕМ ПОБЕДУ!

Родина в опасности! Враг рвется вперед. Полчища гитлеровских горилл лезут к берегам Волги. Железная саранча танков топчет прекрасные, плодородные нивы Северного Кавказа. Вылают тикие станки. Фашистские автоматы, захлебываясь, трещат в фруктовых садах. Лыбятся глаза наших матерей, жен и детей, расстреляемых с воздуха осатанелыми немецкими летчиками, хлещущими пулеметными струями по улицам городов и сел.

Враг жрет наш хлеб, выращенный нашими трудами. Враг гадит ошей паскудную кровью ясные воды наших рек. Ему снится наша нефть, жванетворный сок нашей земли.

В этот грозный и решающий час каждый боец и командир, каждый рабочий станка, труженник полей, каждый человек умственного труда должен всей глубиной сердца подумать о родине, ее славе, ее судьбе.

Поход против нашей родины враг предпринял с открытой и наглой целью — уничтожить наше государство, уничтожить наш народ, развалиться своими свинскими тушами на нашей богатой земле, жеречь, разжигаясь и собирать плоды, пользуясь рабским, крепостным трудом лишенных свободы и счастья русских людей. Шелудящий тирольский шкил Гитлер воит на весь мир, что он берет против русского большевизма. Фронт его. Нет у него никакой идеи, никакой цели, кроме яростного желания набить до отвала отомытые прусские боты сокровищами нашей земли, напиться нашей кровью. Гитлер жаждет иметь под своим сапогом безмятежные и бесправные колонии молчаливых рабов.

Чарли ЧАПЛИН

Я ПРИЗЫВАЮ

Известный американский киноактер и режиссер Чарли Чаплин выступил с речью на состоявшихся 29 июля в Сан-Франциско и 22 июля в Нью-Йорке массовых митингах, высказавшись за немедленное открытие второго фронта в Европе. Приводим выдержки из речей Чаплина.

Второй фронт сейчас нужен больше, чем когда-либо. Мы должны сделать что-то более решительное. Америка не хочет, чтобы другой фронт воюл за нас. Америка страстно хочет принять участие в борьбе.

Это — серьезный и напряженный момент. Я верю, что если мы поддержим Россию теперь, то война может закончиться еще в этом году.

Немцы бьются двух фронтов, и я призываю вас — давайте откром второй фронт. Это не только моя идея. Это инстинкт народа. И этот инстинкт правлен.

Гранит России, демократической страны, подвергся более жестокому удару, чем другие страны. В Америке, в Англии, во всем мире мы должны сейчас сконцентрироваться на этой линии фронта. Я знаю хорошо: если мы это сделаем, то агрессия рухнет, как карточный домик.

Русский народ, который может так мужественно и стойко бороться за свою страну и идею, — я говорю, — почти святой: русские люди, должно быть, имеют чувство чего-то вечного в своих душах. Снова я повторяю: они почти боги.

Существует только одна цель, на которой мы должны сосредоточить все наши силы, — это разбить Гитлера и его банду сейчас же.

На полях сражений в России решается вопрос: будет жить или умрет демократия. Судьба союзных наций — в руках советского народа.

Если бы Россия проиграла войну, весь промальный и богатый азиатский континент оказался бы под властью нацистов. Какие тогда будут у нас шансы победить Гитлера? Со всеми трудностями транспорта и проблемой наших путей сообщения, исчисленных тысячами миль, проблемами стали, нефти, каучука, лицом к лицу с гитлеровской стратегией развала и завоевания мира — мы были бы поставлены в отчаянное положение. Неко-

торые говорят, что это продлило бы войну на 10—20 лет. С моей точки зрения это оптимистический прогноз — в таких условиях будущий мир был бы очень определенным.

Русские нуждаются в помощи. Необходимо второй фронт! В союзных государствах есть несколько различных мнений о том, возможно ли немедленно открыть второй фронт. Раздаются голоса, что союзники еще не имеют достаточного количества военных материалов для питания второго фронта. Говорят, что союзники не хотят рисковать вторым фронтом, пока полностью не будут уверены в успехе и не подготовятся окончательно.

Но имеем ли мы право жалеть? Можем ли мы позволить себе считать, что мы в безопасности? Как известно, «безопасной» стратегией не может быть в войне.

Мы знаем о больших экспедициях, готовых к высадке. 95 процентов наших конвойных кораблей благополучно прибывает в Европу. 2 миллиона англичан с полным вооружением готовы к высадке, готовы выступить. Что же мы ждем? Мы должны честно сказать, что мы думаем.

Россия — ведущая страна демократического фронта. Когда нашему миру, нашей жизни, цивилизации грозит гибель, мы должны рисковать и спасти их.

Если немцы добьются успеха на Кавказе, это будет громадным ударом для дела союзников.

Фашистские волки стремятся нас закалывать. Они хотят отнять нашу свободу, контролировать наши мысли, изменить наш язык и использовать над нашими жизнями. Мира с Гитлером не может быть. Если будет открыт второй фронт, человечество не будет больше прогрессировать. Кончатся всякие права меньшинств, всякие права рабочих, граждан, — все это будет уничтожено и искоренено.

Поборники демократии, все, кому дорога свобода, будьте на чеку! Если мы сохраним моральную силу духа, победа будет обеспечена.

7-я симфония Шостаковича в США

Вслед за исполнением симфонии (по радио) под управлением Тосканини ее исполнение готовят другие крупнейшие дирижеры Америки.

Концертная премьера под руководством Куосонпя соостоится 16 августа. Чикагский симфонический оркестр под руководством Стока даст четыре концерта в конце октября и в начале ноября. Симфонический оркестр города Торонто (Канада) под руководством Макмиллана намечает исполнение симфонии на 8 декабря в Канаде. Оркестр Сан-Франциско под руководством Монте предполагает исполнить симфонию в декабре. Дирижеры Артур Родзинский, Ганс Киндлер, Дмитрий Митрополос, Фабрикс Семенов, Чарльз Бригетер (США) и Карл Чавес (Мексика) получили экземпляры партитуры и выразили желание дирижировать симфонией. Оркестр Нью-Йоркского филармонии под руководством Тосканини будет исполнять симфонию еще три раза: 14, 16 и 18 октября.

Куосонпя в следующих словах передает свои впечатления о творчестве Шостаковича и его 7-й симфонии, являющейся олицетворением всего того, что до сих пор было создано композитором: «Моя ночь темней, тем ярче звезды, — говорит Куосонпя. — В эпоху разрушения и мировой трагедии на земле создается ценности великого и вечного порядка. В этой самой стране, где нашествие варваров принесло несмысленное разрушение, на дымящемся пепелище мирной жизни родилось одно из величайших произведений музыкального искусства. Счастье художника — суметь познать родную землю, выразить ее живую культурную мощь. Шостакович — яркий светоч русского народа. Его творческие силы неисчерпаемы, как сама земля. Вот почему музыка его необытна и человечна и может сравниться с универсальностью человечности гения Бетховена, родившегося, как и Шостакович, в эпоху мировых потрясений. При необычайности масштабов замысла и свободе формы, принимающей в 7-й симфонии совершенно грандиозный размах, Шостакович никогда не теряет чувства меры. Его симфония цельна, как гранит. Но в руке Шостаковича гранит поддается валянию, он становится гибким, как воск. Для исполнения такой симфонии, как 7-я, в момент, когда жизнь и будущность культурного мира решаются на боевых полях русской отступающей земли, нужна внутренняя собранность. Исполнитель должен постигнуть все измерения творческого гения Шостаковича. Его музыка идет от сердца творца к сердцу слушателя. В этом простота его и мудрость».

Тосканини говорит о 7-й симфонии, что она — вдохновенное и человеческое произведение. «Меня всегда привлекала музыка Шостаковича, несмотря на то, что я порой чувствовал в его симфониях нечто хорошее и плохое. 7-я симфония хороша целиком. В настоящем сезоне я собираюсь исполнить 5-ю симфонию, так как чувствую, что существующие нотолования этого произведения неудовлетворительны».

После последней репетиции перед радиотрансляцией, когда музыканты встали и приветствовали Тосканини, он воскликнул: «Мы сыграли симфонию, как Шостакович того хотел, мы исправили ошибки переносчиков, заботились следя метроритмическим указанием композитора, для точно по его знакам».

Комментатор «Нью-Йорк Бродвейн Корреспондент» говорит: «Самые волнующие переживания за все мои музыкальные ную жизнь! Слушая произведение, я действительно почувствовал себя в воюющем Ленинграде. Эта симфония целиком завладела моими чувствами».

Различные звукозаписывающие компании запрашивают о возможности получения исключительных и частичных прав на партитуру.

какой цели, кроме яростного желания набить до отвала отомытые прусские боты сокровищами нашей земли, напиться нашей кровью. Гитлер жаждет иметь под своим сапогом безмятежные и бесправные колонии молчаливых рабов.

На весь мир он заявил в своей бредовой книге, что считает нас навозом для германской расы господ. Всех нас, до единого.

И все до единого мы должны ответить зверю смертельными ударами.

Бойцы советской родины! Да станут стальными наши сердца в этот час! До последней капли крови, до последнего удара сердца встанем стеной на кровавом пути врага. Отступать дальше нельзя ни на шаг. Отступать больше некуда. Самовольный шаг назад теперь — это предательство, это нож в сердце матери-родины.

Стоять на месте! Стоять под свинцовым ливнем, грудою навстречу полчищам вражеских танков, стаям вражеских самолетов. Стоять стеной, бить с плеча! Стоять, задержать, остановить напор и зануть выглед, оминая врага, — вот наш долг.

Мы — народ со славной историей. Слва русских побед гремит по всему миру! Мы должны быть достойны отцов, завоевавших нам нашу землю, добытую и возвращенную их трудом и кровью. Если мы отступим их врагу, мы надругаемся над могилками предков, мы предадим родину.

Враг слез. Враг собрал все свои ошлы. Он полдер эти силы разъяр лажеского обрда, мелкого и трусливого ворья — итальянцев, румын, венгров и финнов. Он всталый эти накали воевать, он палкой обучил ее воевать, и с мордами, битыми

русским фельдфебелем, они озверело лезут в наши просторы.

Мы должны свернуть эти битые морды с их плеч. Мы должны отвечать стоня ударом на каждый удар, чтобы удобрит наши поля для будущих урожаев трупами гитлеровцев.

Вон, стой до конца! Только храбрый и стойкий имеет право на жизнь, на вечную славу и память в потомстве.

В Греции, в узком горном ущелье, на скале врезана надпись: «Путник, возвести Спарте, что мы леги надее, верные догуг». Весь мир знает эту краткую надпись. Весь мир с уважением склоняет голову перед памятью храбрцев, своим подвигом породивших эти слова. На заре человеческой истории полчища персидского царя вторглись в маленькую Грецию, бывшую в те времена светочем культуры и знания. На пути персидских войск встали в горном проходе триста воинов спартанцев, во главе со своим вождем Леонидом. Они полели все до единого, не отступив ни на шаг, и славной смертью ошей дали возможность своей родине собрать силы для отпора врагу.

В нашей боевой истории было немало примеров доблести, равной подвигу этих героев. В годы шашетый монголов, когда кровь по колена боевого коня вспылала русская земля и дожились под ноги завоевателя русские вети, маленький город Козельск до последнего воина бился с врагом, так бился, что даже монгольский хан снял свой малахай перед героями и со страхом назвал Козельск «самым городом».

Мы помним осаду Пскова войсками Стефана Баторя, беспримерную ашугу Троице-Сергия. За нам — слава Бородина, героическая легенда Севастополя, отставившего свою честь и честь родины против европейской коалиции.

Мы и в этой войне показали, что мы не предали славы отцов, что мы умеем постоять за русскую землю. Мы отстояли Москву, мы не отдали Ленинграда. Зашита Одесса и вторая оборона Севастополя сняли думки бессмертной воинской славы.

Мы показали всему миру образцы боевой стойкости и мужества. Давидать во всем панфиловских гвардейцев на подступах Москвы, пять морков-севастопольцев, летших с гранатами под немецкие танки, полки наших орлят Гастелло, Талалияна, Сафорова говорят, что мы можем быть любого врага.

Не так отращен немец, как его малютки. Немца били еще на протяжении многих веков. Немцы захотели взять реванш за это вечное битье. Гитлер и его банда потеряли все жизненные силы Германия на лхоролочную, напряженную подготовку к этой войне, чтобы не оказаться в ней битыми еще раз. Но она все равно будет биты, и надо было их до конца, так побить, чтобы больше, доколе слушат наш планета, неслышка воющая гадина на своем уже выжода воевать свою плоскую аменую голову.

Стойкость и мужество! Безавестность и доблесть! Сознание долга перед родной, перед всеми нашими родными и близкими, чьи глаза с надеждой смотрят на нас! Исполним свой долг. Остановим врага!

«Лучше смерть, но смерть со славой, чем бесславных дней позора»

Эти стихи Руставели должны носить сейчас в сердце каждого воина Красной Армии. Они зовут на бой, они вылият силу и возбудят ненависть к врагу.

Мы должны остановить немецкую орду, и мы ее остановим! Мы вырвем победу! Этого требует родина, любимая наша мать, давшая нам жизнь».

О НЕНАВИСТИ И ЛИТЕРАТУРШИНЕ

В рассказе Вадима Кожевникова («Шутка») советский самолет сделал вынужденную посадку в расположении немцев. Летчики не растерялись. Они выжили в плен двух немецких солдат и заставили их закручивать пропеллер машины. Предварительно бортмеханик снял с немцев штаны. У него нашлось для этого время, хотя по ходу дела надо было спешить. Пролетая затем над передним краем противника, бортмеханик сорвался на землю две пары немецких штанов. «Зачем вы это сделали?» — спросил командир, когда летчики вернулись на аэродром. Бортмеханик: «Мы, товарищ командир, трое суток не спали. Если бы мы не поменялись как следует, так, может быть, и не долетели бы до командного пункта. До того усталые были».

Не правда ли, какая веселая, какая забавная война!

В рассказе В. Каверина («Сила сильных») раненый в грудь навалит пулеметчик продолжает стрелять из пулемета, а в промежутках между двумя очередями («авантюш, ясным голосом» (это о пробитых легких)) читает стихи любимых постов.

Какая эффектная, какая красивая война!

В рассказе Леонида Соболева («Черноморская сирена») некий парнишка с хорошим голосом и отличным слухом рассказывает в советских траншеях арии из популярных опер Своим певцом этот Орфей буквально зааровывает немцев. Они просто не в состоянии стрелять, пока он поет. Черноморский музыкальный и тонко чувствующий народ, эти немцы! Советские бойцы искусно воспользовались последним обстоятельством. Они велели своему Орфею петь несколько часов подряд, усмирили этим бдительность врага, пробрался в нем в тыл и выдвинул массу хлопот...

Не правда ли, какая легкая, какая милостивая война!

Я привел пока только три примера. Это число можно свободно поумножить на три.

Они должны продемонстрировать неверные тенденции в военном творчестве писателей, отнюдь не характерная этого творчества в целом.

Мы знаем, в частности, как сильным и выразительным языком рассказывает о войне Леонид Соболев. Тем более необходимо, тем большую досаду вызывают такие «литрические отступления», как «Черноморская сирена».

В рассказах писателей, о которых идет речь, есть и эпизоды о мужестве, о стойкости, о ненависти советских людей к врагу. Но как часто и эти страницы раздает проказа анекдота и литературщины. Если, например, Вадим Кожевников хочет воспеть ненависть, она у него обязательно столкнется с величавым догом и дисциплиной («Тяжелая рука»). Если он воспекает долг и дисциплину, он обязательно наденет уду на ненависть («Девушка, которая шла вперед»). Из каких запаса архивов вылезает писатель на свет подобные «конфликты»?

Но вот «Вышла о дружбе и ненависти» того же автора Карамзинцев убивает за трусость другого бойца, брата любимой девушки. По сути дела абсолютной необходимости тема. Но почему это «байдала»? Почему такая нарочито драматизированная, архаичная ситуация? Почему, наконец, все это изображено ритмизованной, частично даже рифмованной, а в целом сентиментально-плаксивой прозой? Где та суровая правда, которой требуют в данном случае тема и материал?

В некотором роде рекорд литературщины побил, кажется, К. Паустовский («Английская бритва»). На глазах у смиренного советского парикмахера гитлеровский офицер замучил двух еврейских мальчиков. Потом, забыв об осторожности, пьяный палач приказал парикмахеру побрить его.

Вы спокойны: сейчас парикмахер зарежет негодяя. Он зарежет. Священные традиции теса (литературного, не парикмахерского) запрещают такое решение, как слишком «прямо». Тут нужен небольшой изгиб. И писатель забавливо подолбывает героя тяжелой половицей. Парикмахер убьет немца ударом полсвечника в висок, предварительно ослепив мыльной пеной. А если бы пол-

свечника под рукой не оказалось? И почему все-таки не бритвой? Ведь так вернее?

Парикмахер с этим тоже согласен. «Но, знаете, мне было жаль ее. Это — старая английская бритва, я работаю с ней уже десять лет».

Долое ясно: парикмахер не хотелося начать английскую бритву немецкой кровью. Частодолжный герой, что и говорить!

Простите меня, товарищ Паустовский, вы хороший и тонкий писатель, но на этот раз я вам не верю. Бритва не было. У вас не было бритвы, хорошей, острой, как ненависть, бритвы. Иначе вы приключили бы немца наиболее верным способом. В этом же вашем рассказе один из красноармейцев говорит:

«От слез сердце слабнет. К тому же и пришло не видно. Чтобы завести их всех до последнего, надо глаз иметь сухой и ненависть страшную в сердце».

Великолепные слова! Но из вашего рассказа они выпадают. Когда вы писали его, у вас был сухой глаз, но не было ненависти страшной в сердце. Вы больше думали в это время о микрокосмических «законах» ремесла и — продолжая аналогию — изготовили свой рассказ в пробирке и притом холодным способом.

Сухой глаз и ненависть страшная — пусть это станет, наконец, на деле лозунгом всей литературы.

Смерть врагу! Для литературы это значит прежде всего: идти прямо к цели, раздаться навсего о остатках празднично-мирных настроений.

Смерть благодумию! Его еще слишком много в литературе и, в частности, по отношению к врагу. Немцы в «Черноморской сирене» Я. Соболева — сентиментальные остопоны. Коричневый садист в рассказе К. Паустовского, с такой беззастенчивостью подставивший свое горло советскому человеку, — по меньшей мере, осел. Герои рассказа Кожевникова «Заданье» только потому удалось взорвать вражеский объект, что один немецкий часовой оказался шляпой и роготем, а другой — трусовым и рылым дядей, который... умер от страха, когда на него напал советский боец.

Разве так развенчивают врага? Нет, так привносят несерьезное, благодушное к нему отношение, так демобилизуют читателя. Невелика заслуга — раздаться под орех обыкновенного дурака и роготем! Но разве обыкновенного дурака и роготем! Но разве противника били и продолжают бить советские люди? Нет, они уже доказали не раз и не два, что умеют ломать хребет самому сильному, самому ловкому, самому хитрому врагу Обыкновенного же дурака вообще трудно ненавидеть.

Сила гитлеровской военной машины не только в организации и технике. Сила ее еще и в том, что гитлеризм успел воспитать из немцев хорошо вышколенных и безжалостных убийц. В двадцать лет нашего века в западной литературе была молот утюга работа: терять ля, мол, заменить живых рабочих и солдат работающими, стреляющими и неизменно покорными автоматами.

Гитлеризм осуществлял утюгом по-своему: он превратил немцев в роботов убийства и насилия. Деловой автоматизм немецкого солдата он сочетал с инстинктами в повадках бешеной гориллы. Все это ринулось теперь в глубь нашей страны, чтобы поработить, истребить, пожрать нас. Изю всех основных свойств человеческой природы эти существа полностью сохранили только одно: они смертны. И поэтому если мы хотим жить, — у нас есть только один выход: убивать, убивать и еще раз убивать их.

Мы и убиваем их, каждый — на своем посту, каждый — тем оружием, какое доверила ему родина: воин — пулей, бойца — штыком, рабочим, колхозником, интеллигентом в тылу — самоотверженным трудом.

Писатель должен уметь убивать словом.

Независимо от специального рода оружия, у всех у нас состоит на вооружении ненависть. Настоящая ненависть — это железная стойкость, делающая невнимательным для брва самую мысль об отступлении. Настоящая ненависть — это абсолютное безстрашие, это презрение к смерти, продиктованное любовью к жизни.

Ненависть, соединенная с воинским гневом, приносит победу.

Ты любишь свободное небо твоих родины? Значит, ты должен ненавидеть и убивать немцев.

Либо мы, либо они. Третьего не дано. Немцы говорят о других народах: «Пусть нас ненавидят, лишь бы боились». Заставим же механизированных скотов трепетать перед нашей советской, русской, человеческой ненавистью.

Литература должна стать трибуной ненависти. Обязана холить, растить, обогащать, оттачивать, совершенствовать это чувство, как можно оттачивать и совершенствовать любое, даже самое острое и совершенное оружие.

В чем сила воздействия последнего шолоховского рассказа? В том, что он показывает рождение и созревание великой ненависти. С героем Шолохова, советским офицером Герасимовым, немцы ничего уже не в состоянии поделать. Они могут убит его, но заставить его покориться или отступить — никогда! Почему мы так любим военную публицистику Эренбурга? Потому, что он умеет ненавидеть. Илья Эренбург убит своим словом множество немцев, — можно в этом не сомневаться.

Литература должна приумножить образы ненавистливых. Но для этого она должна сломать еще немало трафаретов. Довольно о нас этих добродушных, чересчур хладнокровных, халищих вразвалку парней, с напускным равнодушием профессионалов совершающих удивительные подвиги и реагирующих на все случаи жизни стереотипно-косноязычными речениями вроде: «Чувствую себя обыкновенно» или «Погода подходящая».

Таковыми они существуют только в ленивом воображении ремесленников. Не эти симпатичные малышки реальны. Реальны двадцать восемь панфиловцев!

Это не значит, что стереотип прозаический надо заменить стереотипом декламационным.

Помешные декламации! Герои на поле брани и особенно в свой смертный час обычно не импровизируют длинных, круглых, синтаксически правильных заречий. Один писатель пытался не так давно уверить нас, что легендарный Камарон, герой Ватерлоу, на предложение написать «о бессмертной гордости» ответил: «Гвардия умирает, но не сдаётся»!

Если верить преданию, Камарон ответил всего лишь одним маленьким словечком на пять букв (см. «Отверженные» Виктора Гюго), и это словечко было таким концентрированным выражением тиройской отваги, ненависти и презрения к врагу, что в сравнении с ним тускнели самые элегантно и звонкие афоризмы.

И еще с одним трафаретом надо покончить. Еще в очень многих рассказах ненависть является почти монополиям тех, кто лично пострадал от немцев или был очевидцем их злодеяний. Ну, а как же с теми, кто лично еще не пострадал? Допустим, что бешеные работы не убили пока моих стариков, мой жених, моих сыновей? Кто же, вы видите меня права ненавидеть или прикажете ненавидеть нас так сильно?

Немцы хотят отнять у меня родину, т. е. жизнь. Если погибнет родина, погибнет наверняка все, что мне дорог. А вдруг по какой-нибудь чудовищной случайности я переживу родину и близких хотя бы на один день? Чем я буду тогда? Обугленным обломком человека, калекой, уродом, жалким рабом, позависшим во мраке и грязи гитлеровского «нового порядка»!

Я этого не хочу. И поэтому я хочу и должен работать немцев. Пусть ненависть, простая и непобедимая, станет нашим общим драгоценным достоянием, независимо от того, как сложилась наша личная судьба. Только это даст нам возможность и право писать о любви.

подражанию жизни. Когда он впервые пришел на репетицию ночной сцены леса «Горького сердца» — той самой, где опытный купец Хлынов с такой же пьяной компанейской размыргает случайных прохожих, то каждая его находка, которую он подкапывал актер и своим помощником по режиссуре, была полна не только разносторонней яркости, но и вневсяной удивительной изобретательности.

Здесь, на репетиции, в его фантазии возникли и смешная поддельная ложаль, и балаганная свистулька, и маслянистая роженица, и метлы, неожиданно вырастающие из дырявой соломенной крышки подурвавшегося амбара, и весь бурный хмельной ритм этой сцены, так сильно дисгармонизированной с разбухнувшей ночью прохладной укусившей лоса. Но, как будто не доверяя правде своей фантазии, Станиславский и тут не раз обращался за тем же постоянно его тревожащим советом: «А как это о литературной точки зрения? А не противоречит ли это Островскому?».

Таким же внутренним был он и в показе «Репетиция «Сестер Жерар», он сердился на актера, трафаретно по роли горю десятком приемов «хотелось». Думая, он наполнял импровизировал и здесь, на полпути верный рисунок хромавшего человека. В «Ленинские Фигаро» в сцене Сюсю, Керубино и графа он виртуозно разработал притяные друг от друга действующих лиц: блестящий мизансценный вырвал из верно и точно схваченного действия в взаимоотношений. Он понимал всю опасность жонглирования мизансценой и часто предпочитал мизансцену, не столь внешне эффектные, но отмеченные благородной и сдержанной простотой. Он возмущался беспредметно красивой мизансценой. Мизансцена была для него внешним выражением внутреннего действия (сжигая человеческого духа, по его определению). Если остановиться на минуту спектакля, то мизансцена без слов раскрыла бы зрителю внутренний смысл и содержание куска.

Он не любил на сцене никакой метафизики. Его мастерство покоилось на вполне конкретном и реальном ощущении материала жизни и материала сцены, освоенном высокой мыслью. МХАТ как-то ставил под руководством Станиславского

Немец — убийца, погромщик и вор. ГДЕ Б НИ УВИДЕЛ ТЫ НЕМЦА, УБИЕ ГАДИНУ ЭТУ НА МЕСТЕ! Стихи Демьяна Бедного. Планшет издательства «Искусство».

В. ШКЛОВСКИЙ ЧУВСТВО СОВРЕМЕННОСТИ

Очень часто, и на первый взгляд справедливо, говорят, что искусство запаздывает, отстает от жизни. Действительно, «Война и мир» написана через десятилетия после первой отечественной войны. Но «Севастопольские рассказы» написаны во время самой Севастопольской кампании.

Они написаны как дневник, следуя за событиями шаг за шагом. Между тем даже «Севастопольские рассказы» не удовлетворяли Толстого. Он мечтал о журнале, который был бы предназначен непосредственно для солдат. Он хотел вмешаться в сражение.

Стихи Лермонтова, рассказы Чехова, стихи Маяковского — все эти великие произведения не потребовали времени на общении.

Таким образом, у нас нет оправдания времени.

В нашей войне артиллерия иногда приходится принимать бой на открытых позициях. Орудия прицелились к переднему краю.

Великая литература всегда сражалась. В дни отечественной войны, в дни величайшего напряжения, она должна сражаться, она нужна сейчас.

У нас есть талантливые писатели и сценаристы. Но есть и ошибки. Многие сюжеты оторваны от действительности; они цитаты и повторяют друг друга.

Недавно в кино прошла эпидемия спецапривет о том, что русский находится в плену среди немцев и выдает себя за немецкого офицера. Эту ситуацию мы прочитали еще у Заюковича. Ее гениально разрешил в «Войне и мире» Толстой, описывая Долохова. Но у Толстого это лишь эпизод, связанный с характером Долохова.

В немом кино такой сюжет возникла два три, затем он размножился.

Ю. Юозовский работал над сценарием «Гнездо асов», в котором двое русских переоделись немцами, и немцы никак не могли сообразить, что произошло.

Человек казался, что он делает покое и нужное дело, между тем он заваривал чай в третий раз. Одновременно

вним, на ту же тему, с той же ситуацией в Сталинабаде работала Е. Помещиков и Н. Рожков: в их сюжете также был русский, переодетый немцем.

Сейчас снимается сценарий И. Прута, в котором сюжет вырост или, вернее, выворотился: немец переодетается русским. Такая ситуация возможна, и дело не в ней. Курири хорошо написал о том, как шпион пародирует русского армейского офицера. Но Курири взял не голую ситуацию, он сделал вещь о человеке. Поэтому куриринский рассказ не был так поразительно повторен.

Современная война сложна, велика, разрешается в пределах всего мира, напряжением всех сил народа.

Тому войны нельзя решить без знания опыта, ее нельзя уложить в старую сюжетную схему. Этот замысел не открывается отмычками.

Если сюжет читателю, вещь отрывается от действительности.

Толстой в «Войне и мире» дал французскую армию сильной. В записках Дуровой, в мемуарах Радожицкого, у Денаса Давыдова — везде мы видим сильную французскую армию.

Изображать врага слабым — неверно. Правильно указать слабость врага, причем точно указать. В наших военных лентах редко встречается военный анализ.

«Севастопольские рассказы» Толстого осмысливают вопрос о том, что такое храбрость русского солдата и офицера.

Умирать трудно. Надо показать человека, как много от него зависит. Надо поднять цену храбрости, правильно ее показать.

Когда на Москву наступал огромный клин, который весит столько, сколько весит все железо Европы, то этот клин обломился на воле двадцати воинов.

В кино полдня младшего командира, который становится поворотным моментом истории, не изображен.

Нам долг — показать в искусстве долгую войну против умелого, хитрого, неутомимого врага. И наш народ — неутомимый и нескрещаемый в сопротивлении. И стойкость лучших его сынов.

ТРУД ХУДОЖНИКА

В конце ноября 1941 г. на одном из очередных творческих просмотров в Ленинградском союзе советских композиторов Асафьев изложил свое произведение. В просмотровом зале горела одна настольная лампа, установленная на пузатой роля. И исполнитель — автор, пианист Каменский, виолончелист Аняня — и слушатели сидели в палате. Дважды среди просмотра в живую ткань исполняемой музыки вторгались отзвуки резкой пальбы зениток.

И несмотря на все, это был один из самых оживленных осенних просмотров. В. В. Асафьев показывал много новых сочинений: балет «Граф Нулин» (по Пушкину), вариации для фортепиано на тему старинного, военного марша, «Ночное» — серию похорон для фортепиано, несколько арий для виолончели и роля.

Прения приняли необычную форму: они вылились в горячую беседу между слушателями и автором, в поток вопросов, ответов, высказываний, замечаний и закончились блестящим импровизированным докладом Асафьева о своем творческом методе.

Было решено продолжить эти музыкальные встречи: прослушать музыкально-сценическое произведение Асафьева «Медный всадник», его оперу «Широкое море чумы» и два вокальных цикла на стихи Тютчева. В дальнейшем предполагалось чтение отрывков из книги «Мысли и думы», книги о жизненном пути Асафьева — человека, композитора, ученого.

Широким планам этим, однако, не суждено было осуществиться. С начала декабря началось жестокие морозы, и творческие встречи в Ленинградском союзе временно прервались.

Все перечисленные произведения созданы В. В. Асафьевом во время великой отечественной войны и начаты незадолго до 23 июня 1941 г. и закончены в течение первого года войны. И это далеко не все. За этот же период Асафьев написал: азербайджанскую оперу (по заказу Бакинского государственного театра оперы и балета им. Ахундова), две симфонии — третью («Родина») и четвертую («Времена года»), симфонетту, посвященную Красной Армии, сонату «Суровор» для оркестра духовых инструментов.

Так же интенсивно шла научная работа. Асафьев написал книгу мемуаров «Мысли и думы», второй том творческого труда «Музыкальная форма, как процесс», озаглавленную «Обо всем музыкальном и нотном», исследование об опере Чайковского «Евгений Онегин» — своего рода параллель к знаменитому этюду о «Пиковой даме» из «Симфонических этюдов», вторую книгу о Глинке, книгу о Листе, книгу о чешской музыке.

Симфонии, оперы, концертная музыка, методика и теория музыки — все это поразительно бы масштабами творческой деятельности, диапазон тематического охвата, жанровым разнообразием и в общем, мирное, созидательное время. Если же принять во внимание обстановку ленинградского зима — холод, жизнь в бомбоубежищах, работу в полутьме, при слабом свете ламповой керосиновой «коптилки», каждодневные обстрелы, словом, все условия, типичные для жизни осажденного города — города фронта, работа эта поставлена почти сверхъестественно.

Планируемым сердцем подлинного патриота почувствовалась большая художник — учитель целого ряда поколений советских музыкантов, что в дни, когда над родной нависла смертельная опасность, он должен трудиться, как никогда, должен, невзирая на голы и болезненное состояние, дать родному искусству столько, сколько может дать талант в соединении с великой волей к труду.

В. В. Асафьев возглавлял жюри обеих конкурсов на сочинение массовой боевой песни и маршей для симфонического и духового оркестра, объявленных Управлением по делам искусств Ленинградского и Ленинградским союзом советских композиторов.

Заседания жюри конкурса происходили в комнате Асафьева, покинувшего свою квартиру, где варьированной были выбиты все оконные стекла, и жившего в одной из артистических убогих Театра им. Пушкина.

После проигрывания и обсуждения песни и маршей мы невольно задерживались у нашего председателя, увлеченного рассказами, Асафьева. Он вспоминал дни молодости, свои встречи со Ставроми, свои занятия у Дялова, делится планами проектируемой им книги о русской вокальной музыке, рассказывал о встречах в Рерихов, Бенуа, Сомовым, Вакетом.

Это было непереносимо интересно. Ибо в каждом, даже безглагольным замечании Асафьева ощущался художник. И при всем том, сам рассказчик больше, чем кто-либо на других членов жюри, работал для конкурса. Он заготовил краткие, но детализированные рецензии-аннотации буквально о каждой из представленных на конкурсе песен и о каждом марше. Поэтому обсуждение шло по уже заранее намеченному плану, что значительно ускорило работу. В этой делеции сказались все: Асафьев, его предельно рационализированной методикой, сужавшей до минимума затраты сил, необходимость для технической стороны работы и предоставляющей максимальный простор чисто творческому процессу.

Спрежтому неутомимым остается творческий дух музыканта. Он рассказывает о новых планах, делится проектами новых композиций и книг, говорит о том, как много еще предстоит сделать.

Герой Советского Союза, летчик А. М. Рой. Рисунок Е. А. Афанасьева.

П. МАРКОВ СТАНИСЛАВСКИЙ

(4 ГОДА СО ДНЯ СМЕРТИ)

Станиславский обладал великим даром мыслить сценически и разгадывать непонятное и свежее течение жизни в сухом драматургическом тексте. Когда он читал или слушал пьесу, в его фантазии уже возникало ее конкретное сценическое изображение. Он видел солнце, шумели деревья, дымился дым, он уже видел образ того мира, в котором развернется действие, он видел комнаты, обстановку, прислонившуюся к дверной притолоке девушку или освещенного светом вечерней лампы старика, он видел сцену ослепительно ярко и в то же время он уже видел тысячью различных и самых тонких и убедительных способов технического осуществления своего быстро возникавшего замысла. Он оспаривал автора десятком замечаний, в которых с практическими режиссерскими советами слагалась тонкая психологический анализ. Как слушанию пьесы он приступал, как в важном и существенном делу, но был слушателем открытым и до наивности восприимчивым. Я помню, как при чтении одной комедии он с первых же слов начал смеяться и смеялся до слез, признавая автора прерывать чтение.

Порой его откровенная пленительная непосредственность привлекла в несомненно ошибках. Фантазия увлекала его далеко от автора, он приписывал ему замыслы, которых тот не имел, и возбужденным открывшимся перед ним миром, он толкал автора на непредвиденный путь — и автор, возмущенный безостановочной фантазией Станиславского, против воли подчинился ему и неожиданно для самого себя оказывался перед неожиданными противоречиями Станиславский знал за собой это свойство и часто останавливал порывы своей фантазии, призывая участника собрания дать оценку с «литературной», как он выражался, точки зрения.

Но, когда хаос первоначальных впечатлений постепенно утихал в нем и укладывался в стройные и четкие формы, он все более последовательно вдумывался в общую режиссерскую линию, которая должна была объединить народки и актеры, прежде возникшие в его фантазии. Ите-

рессо было наблюдать за ним, когда он впервые принимал макет художником и входил всем своим существом в конкретную атмосферу, которая окружает действующих лиц пьесы. И здесь он бывал скрупулезно точен в своих технических требованиях. Великолепный и блестящий знаток театральной машины, он часами утычал вопросы света, решения пространных, сложность — перестановок, длительность их, удобства мизансцен. Но любой макет в основном он судил с точки зрения предельной, сущенной жизненной правды, позволявшей так разместить актеров, чтобы мизансцена плавно переключалась одна в другую, полными эту правду до ступени высокой театральной убедительности. Он с завидным влечением переставлял отдельные части макета, выискивая все новые и новые комбинации. Макет оживал под его умными и влюбленными руками: Станиславский уже видел вперед живой образ спектакля. Его всегда интересовала реальная и вытекающая процесс жизни без какого-либо умеления и мертвого схематизма. Он видел мир широко, и чем шире был его взгляд, тем горячее была его бурная и упругая фантазия. Он владел всем богатством режиссерской выразительной техники и чередовал на сценический язык самые отвлеченные грезы и самые неожиданные мечты. Он их конкретизировал так, как это случалось в ранней «Снегурочке» и затем в «Синей птице», где блестящая фееричность сочеталась с тонким и естественно выраженным вкусом.

Станиславский был отличным режиссером-импровизатором. Оттолкнувшись от одного утвержденного им положения, он делал из него последовательные выводы, прельщало широко развертывая сцену. Он так и говорил: «Это — целая сцена. Надо развернуть». Это значило — довести ее до крайнего блеска, но не пропустить ни одного важного звена в ее развитии. Это значило — жить в нее до конца, а не увлекаться ее внешним, поверхностным показом, сваливающимся в репутацию к условному, хотя бы и внешне реальному,

ГОРДОСТЬ

В маленьком городе на Каме, в глубоком тылу, в провальной июльской вечерней 1942, семилетний сын литератора, ставшего в дни войны пулеметчиком, принес мне и попросил прочесть ему «свою книжку».

В тесной и все-таки уютной комнате детского сада мы с мамой, обнявшись, наизусть читали и раскрывали маленькую книжку в черной с красным обложкой, словно оваренной жаром пожара и взрывов. Это были «Ленинградские рассказы» Николая Тихонова, вышедшие четыре месяца назад издательством «Правда».

Мне не пришлось раздумывать, подолжало ли это чтение для детей, потому что мальчик сказал: «Это про Ленинград. Вот этот рассказ я уже читал в газете».

Я тоже читала эти рассказы в газете, но первые два были для меня новостью. К тому же в газете читались они по-другому, в отдельной книжке, это была литература самая интересная и необходимая сейчас, наша, советская литература дней войны.

Давнишние и постоянные литературские споры о мечах и лире — о литературе «на века» и книгах «временного значения», о «боевом задании» в литературе и о волею творчестве писателя, о мирной профессии поэта — показались мне справедливыми и бескомпромиссными, когда я читала рассказы «Поединок» — три странички самого малого формата.

...Немецкий летчик, великодушный, тотчас мастер своего дела, вооруженный бомбами и пулеметами, преследовал безоружный товарищеский состав, защищающий только умелым и мужеством советского машиниста.

«Поезд делал какие-то лихие прыжки... на опуске он мчался, как лошадь с захваченным мундштуком, и не без вперед именно тогда, когда его ждали очередные бомбы. Он шел назад, останавливался, плелся шагом, летел, как стрела, — чего только не выкидывал этот скучный длинный состав, покорный своему водителю! Бомбы развалились, как хлопья».

Бомбы и пули фашиста «легки зря» в этом поединке XX века, но слова в рассказе ложились удивительно метко и попадали прямо в цель. Мы оба дрожали одинаково — ребенок и я — от волнения, от нежности, от восторга. Наши глаза были полны слез, и мальчик, вскрикнув, повторял слова машиниста: «Что, гад, встал? Что встал, встал?»

Этот рассказ был работой литератора, таким же обычным, тяжелым, ежедневным трудом, как работа машиниста; но он был и чудом мастерства, как чудом было героическое мастерство машиниста в рассказе. А все вместе было нашей жизнью.

Машинист и писатель — оба были на фронте, оба обороняли свою страну работой. И если один спасал ценный груз безоружных, жизненно необходимых фронту, другой охранял в нашем сердце не менее драгоценные боевые средства: ненависть к врагу и любовь к родине, веру в человека и уверенность в правоте нашего дела и страстное желание победы.

На войне неуместна и нестерпима праздная болтовня. Рассказ Тихонова короток, как военный приказ, как письмо с фронта. Скучными словами, точными, как калибры снарядов, на трех страничках «Поединка» Тихонов показал нам эту войну — «войну моторов», но в этой войне машинист побеждает человека, кровно связанный со своей землей, человек, готовый смертью принести, чтобы на земле распелась мирная жизнь. Выбросив все бомбы и расстреляв свои пули, немец идет и беспомощен. А советский человек, уйдя от врага, продолжает свой путь.

«И паровоз с пререзанной пилоткой чернует над, развалив ее, темень вражеского самолета, распростерту на пути...»

Война открывает, выводит наружу и самые лучшие качества человека и скверные свойства человеческой породы, каждый час рождает героев и снимает маски с трусов и предателей, с шкурников-хитрей и ничтожных. Эта война обнаруживает вновь — в который раз! — чудесные черты русского народа, с давних пор увековеченные певцами и писателями. Она выявила и те новые черты совет-

ского человека, которые ждали только всегда советский писатель Тихонов.

После налета вражеских самолетов на наш парокд тонет в Финском заливе фотограф. В последние минуты жизни он вспоминает о семье, о близких... и о своей «лейке». Она тяжелая и тянет его на дно, но ему жалко с ней расстаться. Это не жадность собственника, не раскаяние любови мечтания к своей вещи, это любовь профессионала к своему орудью производства; он дорожит ею, «как дорожат самым драгоценным оружием».

«Кто здесь коммунист? — спрашивает он людей на плоту: — Женщина так кричит, надо же ее успокоить, товарищ...»

Неистребима вера в коммунизм, вера в партию и рядового нашего гражданина. И эта вера обманывает. Коммунист должен быть везде и всегда и прежде всего руководителем масс. Окруж фотограф мгновенно заставляет человека на плоту прыгнуть в себя, всстрахиваясь, вспомнить, что он — коммунист, подумав о товарищах, о тех, кто рядом.

Вера в коммунизм — вот что сильнее смерти, вот чем живет в глубине своего существа рядовой советский человек, и это обнаруживается в страшную последнюю минуту между жизнью и смертью и помогает пережить смерть.

У Горького есть рассказ «Рождение человека». Он знаменит, его знают во всем мире. Это рассказ о том, как удивительно просто рождается на земле человек, рассказ о силе жизни! «Новый человек» Тихонова — новый рассказ о рождении человека.

Ночь, в ледяной пустыне, какой казалась Ленинград зими 1941 года, под грохот рвущихся артиллерийских снарядов, при взрывах бомб, в стурбе снега рождается этот новый человек... «В этом мире, на этом открытом всем ветрам месте, рождается новая жизнь. Надо ее спасти, надо ее отнять у холода, мрака и плуток».

«Мертвые головы» фашистов, утверждающие и славащие смерть не только для противника, но и для самих себя, всей своей могильной философией противостоят коротким рассказам советского писателя, который полон веры в будущее человечества!

Равные люди попали в маленькую книжку Тихонова: девушка, которая о себе говорит: «Я не бесстрашна, я разведчица», старый военный, режиссер, учитель истории, мать юных добровольцев, рабочая семья, мальчик, оглушенный воздушной волной. — Все они ленинградцы. Ни один город в мире не может похвалиться такой любовью своих обитателей, как город Ленин, — и лет больших патриотов, чем Ленинград.

В книге Тихонова Ленинград — тоже живой герой, и писатель не может говорить о нем без боли...

«Молодой человек, знаете ли вы, в каком городе вы живете?» — спрашивает учитель древней истории.

«Этот город надо защищать до последней капли крови, надо оборонять его от стен врага, надо истребить его без остатка, а уехать — нет, никогда!» — отвечает художник в последнем рассказе сборника («Яблона»).

Это — основная мысль книги Тихонова, это — главное желание ленинградца, и вскрикание, и тулкая, и всякого советского человека, это — основная цель и смысл нашей жизни сейчас, цель отечественной войны, а значит, и литературы.

Последние строки книги Тихонова написаны о ленинградском художнике и о себе:

«И художник все стоял и смотрел и не мог насмотреться и надвинуться, полный великой радости и гордости».

Счастливы художники! Великая радость и гордость искусства, литературы — быть в наши дни вместе с народом, и не дрогнув, держать высоко пробитое пулями знамя!

Талантливая книга

«Что пройдет, то будет мило». Все время вспоминается это, когда читаешь автобиографический роман И. Ф. Попова «Потерянная и возвращенная родина». Несколько первых глав этого романа было напечатано в первой книге журнала «Октябрь» за прошлый год и еще несколько глав напечатано в том же «Октябре» теперь.

Автор пишет то, что случилось с ним лично очень давно — тридцать с лишним лет назад, когда он, член партии большевиков, находился под непосредственным обвинением Ленина, вел партийную работу в Москве, был послан на реку Мезень, удачно бежал из ссылки, появился снова в Москве и начал полную жизнь.

Каким бы, мотивы весьма знакомые: немало русских писателей бралось за подобные темы. Как тут выкапать свою самолюбивость, тем более что впечатления берутся И. Ф. Поповым не вот теперь, воспринятые во все их яркости, а из копилки памяти, подернутые там и там десятилетиями. Однако он сумел прожить довольно долгую жизнь с этими впечатлениями, так бережно и глубоко спрятав их в себе, что они переживаются скарлаткой, как только что наблюдаемое.

Обыкновенно люди, старея, забывают пережитое ими в молодости, и подкаракачивают их на воспоминания!

Совсем не то художник. Он помнит, он ценит, он любит все яркое, что подарила ему жизнь. Он целен настолько, что нет в его памяти переживаний, пробоев, превращений, и прошлое всегда готово встать перед ним по первому его зову, не утрачивая ни малейшего режиссерского штриха, ни одного красочного пятна, ни одной ослепительной ноты. Так появляются в художественной литературе писатели сравнительно позднего поколения, опознавшие себя в молодости; к их числу принадлежат и И. Ф. Попов.

Книга его читается не только с величайшим интересом; ее любуются и ей радуешься, до того щедро рассыпаны в ней необыкновенно живые, хотя и большие зарисовки людей далекого от нас прошлого, причем у каждого из этих людей своя манера говорить и действовать. Автор обнаружил превосходное знание речевых особенностей русских людей конца первого десятилетия текущего века, обитателей разных широт и долгот, представителей разных слоев и сословий. Кроме

таланта беллетриста, у него несомненные способности драматурга.

Выводы крестьян Архангельского края, помогающих ему бежать из ссылки, И. Ф. Попов на нескольких страницах дает живописные портреты этих лесных людей; волею нас в семейство подмосковных фабрикантов на купцов, он размещает рисует этих выделывателей таинской фабрики фирмы «Архип Коноплякин с братьями» и все их окружение; наконец, очень удались ему и трудные сами по себе для изображения предпринимателя политического партийца, не успешных еще как следует размежеваться после 1905 года: один склоняется к ликвидаторству, другие — к экспроприаторству, третьи — к кооперации на исправных в Гжатске, и всех их автору романа приходится выявлять в спорах с ними, то-есть больше приемами драматурга, чем романиста.

Однако в романе много страниц и чисто описательные, которые читаются тоже с большим интересом, говорит ли автор о том, как зимней ночью, во время бегства из ссылки, они с товарищем большевиком на рабочих — Ваней Дроздовым, по провинции Судзукую, заблудились в тайбоде (сложное слово, состоящее из двух: «тайга» и «болото»), или о том, как он выступил после бегства, в Москве, перед рабочими у ворот завода со словами: «Пятый год вернется, товарищи!» и потом под натиском полиции, опившейся рабочих, спасался бегством.

У автора чувствуется большая любовь к русскому языку, тому самому, которому дали гимны и Гоголь и Тургенев (а гораздо раньше их Ломоносов, воевавший с засильем шумялов в Московском университете).

Я не ставлю определенного прогноза в отношении И. Ф. Попова, но мне кажется, что если он даже и не выйдет из сферы воспоминаний до конца своей литературной деятельности, начатой так удачно, то и тогда у него все-таки будет свое место в литературе, к которому придет его осознательное знание русского языка и большая любовь к нему.

Не нужно забывать, что в той титанической борьбе, которую ведет наш народ с фашизмом, под ударом врага находятся и русский язык. И когда появляется книга, хотя одним краем, но ярко выставляющая наш речевой богатства, какими мы обладаем и на уничтожение которых покушаются наши враги, необходимо отметить появление этой книги и уважать на нее читателя.

Писатели Грузии на фронте

С первых дней отечественной войны многие грузинские писатели были направлены в Действующую армию. Некоторые из них вступили в ряды армии в качестве стрелковых командиров. Молодой талантливый грузинский поэт Мирза Геловани вступил в танковую часть. Литературный критик Шавла Радлиани — на передовых позициях с самого начала войны. Андрей Сичинава, поэт и переводчик, известный своими прекрасными переводами на грузинский язык Пушкина, Лермонтова и Некрасова, — лейтенант в одной из частей, сражающихся на Юге. Союз писателей Грузии организует регулярные выезды писателей в Действующую армию. На Южный фронт выехали поэты Ираклий Абашидзе и Симо Чиквани, на Юго-Западный фронт — поэт Анио Машавили и Ило Мосалшвили. В результате этих поездок появились в свет сборники новых стихов от отечественной войны.

Союз писателей Грузии продолжает организацию фронтовых бригад, в состав которых входят грузинские и русские писатели. В частях Действующей армии проведено уже более 600 выступлений писателей.

Писатели Грузии на фронте

С первых дней отечественной войны многие грузинские писатели были направлены в Действующую армию. Некоторые из них вступили в ряды армии в качестве стрелковых командиров. Молодой талантливый грузинский поэт Мирза Геловани вступил в танковую часть. Литературный критик Шавла Радлиани — на передовых позициях с самого начала войны. Андрей Сичинава, поэт и переводчик, известный своими прекрасными переводами на грузинский язык Пушкина, Лермонтова и Некрасова, — лейтенант в одной из частей, сражающихся на Юге. Союз писателей Грузии организует регулярные выезды писателей в Действующую армию. На Южный фронт выехали поэты Ираклий Абашидзе и Симо Чиквани, на Юго-Западный фронт — поэт Анио Машавили и Ило Мосалшвили. В результате этих поездок появились в свет сборники новых стихов от отечественной войны.

Союз писателей Грузии продолжает организацию фронтовых бригад, в состав которых входят грузинские и русские писатели. В частях Действующей армии проведено уже более 600 выступлений писателей.

Писатели Грузии на фронте

С первых дней отечественной войны многие грузинские писатели были направлены в Действующую армию. Некоторые из них вступили в ряды армии в качестве стрелковых командиров. Молодой талантливый грузинский поэт Мирза Геловани вступил в танковую часть. Литературный критик Шавла Радлиани — на передовых позициях с самого начала войны. Андрей Сичинава, поэт и переводчик, известный своими прекрасными переводами на грузинский язык Пушкина, Лермонтова и Некрасова, — лейтенант в одной из частей, сражающихся на Юге. Союз писателей Грузии организует регулярные выезды писателей в Действующую армию. На Южный фронт выехали поэты Ираклий Абашидзе и Симо Чиквани, на Юго-Западный фронт — поэт Анио Машавили и Ило Мосалшвили. В результате этих поездок появились в свет сборники новых стихов от отечественной войны.

Союз писателей Грузии продолжает организацию фронтовых бригад, в состав которых входят грузинские и русские писатели. В частях Действующей армии проведено уже более 600 выступлений писателей.

«На фронте»

Рисунок Н. Жукова

ОГОНЬ

Здесь интересны проливают кровь — не первый раз — Германские мезавцы опять пришли в Донбасс.

Погасли доменные заводы и не режут гудки. Хватится гад за уголок, да лапы коротки. Пошарил немец под землей, гад жирный — пласт залег — Не дался немцу уголок, взорвался уголок. Направо обер-лейтенант устроил караул. — В его квартире стекла гул горняцкой местной гул.

Ни пытки, ни расстрел, ничто шахтеров не берет, И жены их и дети — отчаянный народ. И не падает твой крас шаптерская жена, И в детском сердце, как в отцовском, ярость зажжена.

Бойцы! Мы знаем это все, и злоба думит нас. Да разве словом передашь, как дорог нам Донбасс!

Там удивительный народ! За кровь его, за боль, за храбрость гордую его, бойцы, стремиться в бой! «Максим» устави на врага внимательный глазок. А ну, товарищ пулеметчик, бей еще разок! Огони! Огони! И смерть тому, кто гнев наш развязал. Так мы хотим, так надо, так Сталин приказал.

Тяни, тяни скорее, товарищ, провод свой: Пускай быстрее команда дойдет до огневой: Огони! Огони! И смерть тому, кто гнев наш развязал. Так мы хотим, так надо, так Сталин приказал... Действующая армия.

О. ЛЕОНИДОВ

Два киносборника

Повесть последних двух киносборников неразрешенная. Лучшие из них возбуждают неукротимую ненависть к врагу, зовут к стойкости и мужеству в борьбе. Однако далеко не всегда сценаристы и режиссеры правильно подходят к военной теме.

Некоторые повести преувеличают трудности борьбы, дают неверное представление о враге, о немецко-фашистских извергах. «Враг еще силен», — читаем в историческом приказе товарища Сталина от 23 февраля 1942 г. — Он будет набирать последние силы, чтобы одолеть нас. И чем больше он будет терпеть поражение, тем больше он будет зависть».

В одиннадцатом киносборнике в повеле «Карьера лейтенанта Гоппа» (сценарий В. Ласкина и И. Склята, режиссер Н. Салкович) фашистский лейтенант (в исполнении артиста С. Мартинсона) показан, как эталонный герой протактидизма и законченной трусы из числа штабшвабных опереточных персонажей. Когда инспектор Фрайль (артист О. Абдулов) приказывает ему поехать хотя бы одного партизана, он от страха затевает нелепую инсценировку — уговаривает оставшихся в деревне стариков крестьян сыграть с ним в войну: ночью, по-нарошному, напаст на него, а он их, тоже якобы по-нарошному, возьмет в плен. Старички, правда, перестраиваются — они нападают на Гоппа и его денщика Траску всерьез и всерьез уничтожают фашистов. Но как далеко этот волеводил от действительности, от реальной обстановки нынешней кровавой, непримиримой борьбы не на жизнь, а на смерть!

Могут возразить, что комедийный жанр по природе своей условен. Но условность условности рознь. И нельзя же жертву жизни приносить жизненную правду.

Комедия на военном материале, несомненно, нужна и возможна. Веселый смех, шутка, острое слово — в характере советского бойца, в быту нашей армии.

Широкие возможности военной кинокомедии показывает новелла 12-го киносборника «Ванька» (сценарий С. Полоцкого и М. Тевелева, режиссер Г. Раппапорт). Это правдивый рассказ о двух детях — мальчике и девочке, которые решают присоединиться к партизанам и вместе с ними бесстрашно мстить фашистам за смерть близких, за разоренный родной дом. Маленькие герои совершают свои подвиги с полуконной непосредственностью, со своеобразным детским юмором. Эти черты прекрасно переданы талантливым артистом Я. Жеймо (Таня) и Ю. Боголюбовым (Ваня). Ваня гордо именует себя «товарищем В.», он презирает девочку, не способную на мужское, военное дело. А обстоятельство складывается так, что робкая, пулявая Таня, переложив в мужское платье, действительно помогает партизанам, и «товарищу В.» приходится прибегать в отряде. Весь этот трогательный и веселый рассказ построен в мягких комедийных тонах.

Самый слабый эпизод фильма — экцентристическая сцена погони немецких офицеров за Таней и освобожденными ее пленниками.

Вообще попытка механически перенести на материал сегодняшнего дня приемы старой экцентристической комедии заранее обречена на неудачу.

В «Карьере лейтенанта Гоппа» старички крестьяне (артисты С. Кавков, П. Алексеев, В. Зайчиков и П. Зиньков) дерутся

с немцами точно так, как дрались между собой их кинематографические предки — «вонистующие скворцы» из старого американского фильма. Можно подумать, что авторы и актеры за все время войны не прочитали ни одной строчки о партизанском крае и его людях, о «Дедушке» или «Бате», не видели ни одного партизана, не имеют никакого представления о суровом их быте.

Среди других материалов новых киносборников привлекает внимание новелла «Сын бойца» (сценарий С. Михалкова и И. Прута, режиссер В. Строева). Несмотря на некоторый схематизм сюжета, постановщику удалось найти яркие жизненные штрихи для изображения наших бойцов, их мужества и стойкости, их высокое гуманизма.

Первым кадром новеллы предшествуют документальные кадры фашистских зверств. Каждое фото вызывает к месту, и расправе над злодеями.

В деревне Речиче Смоленской области фашистские звери, предприняв наступление, под страхом расстрела погнали вперед своих войск советских женщин и детей. Эта кровавая страница истории и послужила темой фильма «Сын бойца».

Как похоронная процессия, медленно движется это шествие... Не забыть переполюженных утасом женских глаз, материнских рук, в последнем обитии прижимающих ребенка к груди... — Стреляйте! — истуленно кричат одна из женщин нашим бойцам.

Фашистская пуля обрывает ее жизнь. Лежит ее бездыханное тело среди поля. Воле трюпа матери остался ослепший ребенок.

Лейтенант Кротов (артист В. Немченко) полагает командой. Навис снайперы и пулеметчики метким фланговым огнем следуют фашистскую шестку от женщин и детей. Рагорается жестокий бой. Но в смере огня и металла бойцы не могут забыть о ребенке, оставшемся на поле боя. Полежит к нему красноармеец казах Алмазов (артист И. Бальмонт). Тяжело раненого друга смекает снайпер Воробьев (артист О. Жаков).

Режиссер В. Строева горько вопрошает: воле ли в экранные обстановку войны, характеры простых и мужественных людей, о чьей воле и стойкости разбиваются атаки фашистских захватчиков.

В «Шаукаш» (сценарий М. Берестинского, режиссер И. Трауберт) гитлеровские палачи расправляются со своими же ранеными. В трудных случаях на приказано тратить время на лечение, на операцию: «Немед без руки и ноги — обуза для Германи». Несколько кубиков воздуха, введенных в вену, — и короткое слово «умер» на личной карточке пациента. И короткий приказ санитарам «Обрать! Следующего!»

Некоторые кадры фильма напоминают листы старинных гравюр: германский полковой госпиталь похож на застенки инквизиции, а хирург — на залеченный дел мастера. Зловещим символом смерти воспринимаются фигуры безучастных, равнодушных ко всему могильщиков — двух тощих, вечно жующих санитаров, которые приносят живых и уносят мертвых... Новым выпуском военного киноальманаха нехватает целостности, продуманного плана. Некоторые новеллы, как, например, «Карьера лейтенанта Гоппа», диссоциируют с общим характером сборников.

Между тем каждый киносборник должен быть боевым не только по названию. Это основной вид оружия, которым наша художественная кинематография участвует в общей борьбе народа с немецко-фашистскими захватчиками. Пусть это оружие будет столь же метким как и все остальные виды боевого вооружения нашей Красной Армии!

Боевой киносборник № 11. «В юности ненависти» — Ташкентская киностудия, 1942 г. Боевой киносборник № 12 — Центральная объединенная киностудия, Алмата, 1942 г.

Первый театр киноактера

ТАШКЕНТ. (От наш. корр.) При Ташкентской киностудии создан театр киноактера. Художественное руководство театром возложено на М. Ромма. Главный режиссер театра — И. Вульф.

Театр поставил пьесу А. Островского «Все вины виноваты». В спектакле ряд ролей исполнили киноактеры, впервые выступившие на театральной сцене: Е. Кузьмина, Н. Гинерот и другие.

В ближайшей работе театра является вечер одноактных комедий, в которых за-

нята почти вся актерская молодежь Ташкентской киностудии. Спектакль поставлен Н. Волковым и К. Михайловым. Параллельно в театре идет работа над длинной пьесой: «Мирные люди» А. Каплера (в постановке М. Ромма, режиссер И. Михайлов) и «Честное слово» А. Жансона (в постановке И. Вульфа и О. Абдулова). В дальнейшем намечена постановка пьесы «Пятая колонна» Э. Хемингуэя. В труппе театра работают Г. Раисская, Е. Кузьмина, Л. Бугова, Э. Цесарская, О. Абдулов, И. Перевезев и другие.

Рахманинов и русская музыка

Чайковский писал (27/IV 1893 г.) И. И. Слатину, директору Харьковского отделения Русского музыкального общества, о премьеры в Большом театре оперы Рахманинова «Алеко». «Эта прелесть вещь мне очень понравилась». Молодому композитору в год сочинения «Алеко» (1892), было всего 19 лет. В этот год он вместе со Скрибиным окончил Московскую консерваторию, и до сегодняшнего дня в консерватории можно видеть оба эти имени рядом, вычеканенные золотыми буквами на мраморной доске.

Отзыв Чайковского о творчестве Рахманинова был последним, ибо в том же 1893 г. Чайковский умер. В том же году Рахманинов посылал памяти Чайковского свой ор. 9, прекрасное «Гелигическое трио».

Когда думаешь о месте, которое Рахманинов занимает в истории русской музыкальной культуры, в первую очередь вспоминается эта прямая персональная преемственность между Чайковским и Рахманиновым. Музыкальная связь между ними исключительна крепка и плодотворна. Наши радиослушатели на-днях имели возможность прослушать в прекрасном исполнении оркестра Всесоюзного радиокомитета, под управлением Н. С. Голубанова, 2-ю симфонию Рахманинова. Она была сочинена в 1907 году. При всей зрелости и индивидуальности этого поэтического произведения, как глубоко ощущается духовная связь Рахманинова с Чайковским во многих настроениях, в оркестровом мышлении.

Да, Рахманинов вышел из школы Чайковского, он — главный хранитель и продолжатель его великой традиции и в этом смысле настоящий коренной русский музыкант. Здесь — объяснение любви, какой Рахманинов пользуется у широкой советской аудитории и у музыкантов-профессионалов, в частности у нашей композиторской молодежи. Пишу эти строки, а

дом лежит забыто сделанное четырехручное переложение 3-й симфонии Рахманинова — работа одного из молодых советских композиторов. Но не забудем и про наших пианистов. Фортепианные концерты Рахманинова нашли блестящих толкователей среди нашей выдающейся пианистической молодежи. Наши вокалисты много, часто поют романсы Рахманинова.

Рахманинов выразительно и цельно, как никакой иной композитор, отразил художественный дух Москвы. Стоит взглянуть на ряд посвящений в сочинениях Рахманинова, чтобы перед нами прошла длинная вереница музыкальных деятелей, связанных с музыкальной жизнью Москвы, начиная с XIX — XX столетия. Некоторые из них — донные активные участники московской художественной жизни: среди них Антонина Васильевна Нежданова. Ей Рахманинов посвятил чудесный «Вокаль» (ор. 34, № 14), замечательному виолончелисту А. Брандуркову, другу Чайковского, Рахманинов посвятил свою виолончельную сонату (ор. 19). А какую глубокую связь Рахманинова-композитора с русской исполнительской культурой творчески вскрывает его посвящение Ф. И. Шляпнину! Невольно вспоминается посвященный Шляпнину романс Рахманинова «Воскрешение Лазаря» (ор. 34, № 6). В этой связи Рахманинова с Москвой — его связь с Россией, его пламенная любовь ко всему русскому.

Хочется подчеркнуть ярко индивидуальную особенность Рахманинова-музыканта. В нем гармонически сочетаются композитор, пианист и дирижер. Рахманинов замечательный композитор, гениальный пианист — это общезвестно. Но реже всего при имени Рахманинова мы вспоминаем о нем, как о дирижере. А между тем он — великий дирижер, не только в концертном, симфоническом пла-

не, но и в плане оперном. В начале 900-х годов Рахманинов выступал в качестве дирижера в Московском Большом театре, и я хорошо помню, что одно лишь согласие Сергея Васильевича являлось за оперное дирижирование наполнено жизни сердца энтузиазмом и восторженными надеждами; Рахманинов не только держался на этом посту, но внес в оперную сцену живительную, именно музыкальную, струю.

Сказанное нами о русских, в частности московских, творческих корнях и связях Рахманинова не должно породить впечатление, будто композитор не обнаруживает живых связей с западно-европейской музыкальной традицией. Произнося имя Гринга, мы называем имя, которое, кроме Чайковского, особенно близко Рахманинову. Отзвуки этой близости ощущены уже в ранних композициях Рахманинова, например, в средней части популярной, фортепианной «Юморески», или в трио, посвященной памяти Чайковского. Такие песни Рахманинова, как «Весенние воды» (ор. 14, № 11) или «Сирень» (ор. 21, № 3), свидетельствуют о глубокой родственности обоих композиторов — русского и норвежского. Григ сыграл в творчестве Рахманинова существенную роль, повлияв на изменение его стиля в сторону отхода от некоторой, свойственной Рахманинову, романтической приподнятости, порою некоторой пышности, в сторону музыки, сильной, волевой, патетически страстной, но сдержанной, лаконичной, как бы стальной в проявлении чувств.

Библиотека Московской государственной консерватории располагает ценным указателем научно-музыкальной литературы о Рахманинове. Существует любопытный отзыв о 3-й симфонии Рахманинова, написанной им в 1936 г. (ор. 44). Это последнийopus композитора, с которым мне удалось ознакомиться, к сожалению,

да остался верен себе. Он органичен в эволюции своего стиля. Эта эволюция лишена капризной неустойчивости, недородной торжественности. Однако композитор на всем своем долгом творческом пути шел вперед, не успокаиваясь на найденных стилистических особенностях. Достаточно сравнить, например, группу более ранних песен Рахманинова (выпущено до ор. 26, 1906 г.) с его последними романсами, в особенности с циклом из 6 романсов (ор. 38, 1916 г.), чтобы почувствовать всю протяженность дистанции, которую прошел Рахманинов от юношеских лет вплоть до зрелых. Любопытно, что Рахманинов за пределами родной страны не сочинил почти ни одного вокального сочинения, а писал почти исключительно инструментальную музыку. Тесно связанный с родным, русским языком, широко начитанный в русской поэзии, необычайно заботливый и чуткий к языкам строения русского стиха, композитор, находясь за пределами родной страны, не продолжил вокальной линии, расширил их путем добавления фортепианных заключений.

Возвращаясь, однако, к упомянутому мною отзыву о 3-й симфонии Рахманинова. Он напечатан в парижском музыкальном журнале «Музыкальное обозрение» (декабрь 1937 г.).

Автор отмечает ряд характерных особенностей этого произведения, простоту и обаяние тематического материала, ритмическую живизность, а главное, наличие подлинного симфонизма: «У русских у одних лишь сохранилось нечто, напоминающее симфоническую традицию». Автор отзыва находит, что Рахманинов в своей последней симфонии придерживается «классической схемы». Это утверждение основано на явном недоразумении: 3-я симфония состоит из 3 частей, причем основная, соответствующая симфоническому аллегро, перемещается в финал, по объему равный, приблизительно, обем первым частям. Эти первые две части, по их музыкальному содержанию и стилю более «ретроспективные», противопоставляются последней, сложной, искусно разработанной, последней. Она как бы скрывает вперед, и напором ее завершается симфонический замысел.

3-я симфония Рахманинова весьма показательна для характеристики его творческих методов. Композитор до ко-

нечем исключительна глубокая, удивительно индвидуальная мелодика Рахманинова тесно связана с глубоко вокальным уклоном его творчества, с живой человеческой речью.

Музыкальное мышление Рахманинова носит гармонический характер, хотя в нем, духовном смысле Чайковского, жив и подлинный, новый полифонизм. В этом отношении заслуживает внимательного изучения крупными музыковедами творчество Рахманинова — в его прекрасном чутке фактуры. Он тонко понимает музыкальный инструмент, не только, конечно, фортепиано, где у него свой наизумительный стиль, но и человеческий голос. Он прекрасно владеет тем, что можно назвать «вокальным штрихом», всем богатством в использовании безграничных средств присущих человеческому голосу. Однако, еще до революции, и присутствуя на концерте в нынешнем Доме союзов, Рахманинов управлял симфоническим оркестром. Несколько сгорбленный, высокая фигура, о сдержанном, естественном и вместе с тем благородно уверенном жестом. Исполнял фортепианный концерт Скрибина. За ролям — сам автор. Рахманинов с неизменной симпатией во взоре к вместе с тем с острым вниманием следил буквально за каждым движением Скрибина — за предельной меткостью его бисерной и вместе с тем бархатисто-мягкой игры, за порывистостью его ритмов. После неожиданной трагической смерти Скрибина Рахманинов предпринял концертные поездки, с программами, целиком составленными из произведений своего товарища: книги консерваторских лет. Рахманинов продолжал поддерживать честь и славу русского, неумирающего искусства!

Фриц-интеллигент

Поэз Шток — солдат немецкой армии, теперь военнопленный, до войны был художником-декоратором в большом немецком промышленном городе Ахене. Это молодой интеллигент гитаристской Германии.

Он небольшого роста и в то же время весь какой-то тонкий и длинный. У него длинные, неумолимые пальцы, длинные, когда-то холеные, а теперь грустными ногтями. Длинные, узкое лицо с глубоко вдавленными висками. Длинные, засаженные назад, волосы артиста. И разговаривает он тоже длинно, но все его многочисленные ответы состоят из слов-пустышек, не содержащих даже подобия мысли.

«Да, он ударил офицера, отбыл наказание и пошел на фронт, сдался в плен. Почему он ударил офицера? Офицер был груб. Почему он сдался в плен? Шток не может ответить членовредливо, но ответ ясен — его привел в плен животный страх.

Напрасно искать в его поведении какую-нибудь идею, идею основы. Он ударил офицера, потому что тот его обидел. Он отпрыснул, не соображая, инстинктивно, как обрывается солдата. Он пошел в плен, потому что там не стреляют.

Идеи? Очень скоро выясняется, что идея у него вообще нет. Он уверяет, что не верит идеям Гитлера. Допустим, он говорит, что не верит в бога. Предположим. Но это все отращения. Каковы же его положительные идеалы, чего он хочет, зачем он живет на земле?

Шток задумывается — это вопрос, очевидно, никогда не ставился перед ним. Наконец, он говорит: — Я хочу спокойно работать, — последнее меня не касается.

Что ж, желание работать — хорошее желание. Но вскоре оказывается, что Шток стремится не к этому. Он говорит, что ему все равно, как отнесутся в Германии к тому, что он сдался в плен. Он решил не возвращаться в Германию, как бы ни кончилась война.

Творческое совещание ленинградских фронтовиков

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). В Доме Красной Армии им. Кирова состоялось творческое совещание армейской литературы Ленинградского фронта. Участники совещания — бойцы, командиры, лейтенанты — стали писать стихи в дни отечественной войны. Они теперь бьют врага не только личным боевым оружием, но и оружием художественного слова. Их произведения печатаются в газетах частей и соединений и вдохновляют бойцов на новые подвиги во славу родины.

Совещание открылось вступительным словом старшего батальонного комиссара Добрынского. Он говорил о задачах фронтовой поэзии, указав на необходимость воспитывать у бойцов ярость и ненависть к врагу. Клепа Рынина охарактеризовала творчество ленинградских красноармейских поэтов Ленинградского фронта. Яркую речь произнес Ник. Тихонов. Поэт говорил о патристических традициях русской литературы, о необходимости глубже отражать в произведениях красноармейских авторов чувства и переживания советского народа, поднявшегося на священную борьбу с немецкими захватчиками.

80-летие ЛЕНИНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

6 августа открылась первая сессия ученого совета Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, посвященная восьмидесятилетию библиотеки. 80 лет назад в Москве открылся Румянцевский публичный музей и при нем первая в Москве публичная библиотека. Книжный фонд библиотеки составил всего 125.000 томов. Русское общество открыло значение этого культурного начинания. На призыв музея жертвовали книги для библиотеки откликнулись люди всех слоев.

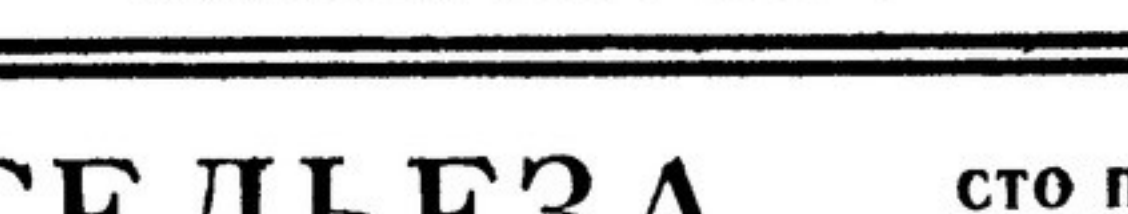
Так было положено основание нынешней Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Долгие годы фонд библиотеки пополнялся почти исключительно за счет пожертвований частных лиц. Ассигнования на приобретение книг не имелось. Только после Октябрьской революции наступил расцвет библиотечного дела.

Сейчас Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина имеет около 10 миллионов книг. В ее читальные залы приходит сотни тысяч читателей, которым выдают миллионы томов книг. Много научных трудов и художественных произведений написано учеными, писателями, работниками культуры и искусства по материалам, попернутым на богатейших книжных фондах библиотеки.

У ПИСАТЕЛЕЙ КИРГИЗИИ

ФРУНЗЕ. (От наш. корр.). В Киргизии издаются выходят из печати 4 сборника песен, стихов и поэмы: «Сражающиеся храбрыя» народного акына Алымкуба, «Песни сокола» Джомарта Боконбаева, «Песни» Алы Токомбаева, «Кровь за кровью» Маликова и его же книга очерков «Сражающиеся в Ленинграде», написанная после поездки в Ленинград с подарками от трудящихся Киргизии.

Алы Токомбаев написал песню «Клятва», Касымбек Эшмамбетов — песню «Черная туча». Обе песни приняты в постановку Киргизским государственным театром. Научно-исследовательский институт истории языка и литературы выпустил книгу литературоведа и критика Каима Рахматулина «Критический очерк эпохи Манаса» и критический очерк «Легендарный Манас». Идана также отрывок из эпоса «Манас» — «Первое сражение».

В. А. Серов. Портрет партизана г. В. Выставка «Работы ленинградских художников на темы войны».

По Советской стране

ИРКУТСК. Иркутский областной драматический театр работает над постановкой новой оперной оперы драматурга П. Малерского «Город II».

КЫЛЫНЧИ (Киргизия). В течение месяца в Дворце культуры союза уполномоченного Коналдский государственный русский драматический театр. Наибольшим успехом у зрителей пользовались спектакли «Парень из начнего города», «Паток Пречет», «Видеть неперелетит».

ТАШКЕНТ. Композитор Абрамов написал первую симфоническую симфонию. Продолжением ее «остались в Союз композиторов Узбекистана. Героическая симфония Абрамов посвящена 25-й годовщине Октября и герою отечественной войны. Приняв участие в общественной акции «Единодушие высокую оценку произведения».

САМАРКАНД. В свой выходной день 45 работников Московской киностудии «Одзульфильм» организовали в помощь колхозникам трудовой поход в колхоз «Ленинское». Работа по уборке урожая и заготовка картофеля в 4 часа утра и была закончена к вечеру. За 25-ю годовщину Октября доблестно работала Люба Каримова. Первой закончила работу бригада т. Вредиса. Отличился также бригадист т. Любарский и Селиванов.

АЛМА-АТА. В Центральной объединенной киностудии скоро начнется съемки художественного фильма «Джамбул» по сценарию Л. Аринкина и Л. Талдыбаева. История жизни молодого поэта показана в сценарии, как история народной песни, в которой заключена вся жизнь казахского народа и счастливая жизнь. Сценарий заканчивается истинной песней «Джамбул», детским хоровым ансамблем для героических записей города Ленина.

Театральная культура демократических стран

Комитет по делам искусств при СНК СССР, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей и Всероссийское театральное общество организовало 7 августа в помещении Малого зала ВТО совещание о театральном искусстве демократических стран.

В последние дни совещания доклады: Л. Борового — «Три поколения английских и американских писателей и театр», М. Морозова — «Проблема взаимодействия культур демократических стран» и П. Маркова — «Влияние художественного театра на английский и американский театры».

Сообщения о творчестве современных писателей Англии и США сделали И. Эрэнбург, С. Кржижановский, И. Завич, Р. Либрович и Д. Жантеев. В фойе Дома актера открыта выставка «Драматургия Англии и Америки на советской сцене».

В СЕЛЕ СУВОРОВЕ

Село Суворово Мокшанского района Пензенской области связано с биографией великого русского полководца. Здесь находилась усадьба А. В. Суворова, в которой он неоднократно отдыхал после дальних походов. Пензенский облисполком решил установить в селе Суворово бюст полководца. Бюст заказан скульптору К. Луцкому. Одновременно с установкой бюста открывается сельский клуб, которому присвоено имя А. В. Суворова. В клубе развернется выставка, посвященная жизни и славным подвигам великого полководца.

ТЕАТРЫ НА ФРОНТЕ

В августе на фронтах великой отечественной войны будет выступать ряд новых театров. Среди них фронтовые театральные бригады. Среди них фронтовые театральные бригады им. Евф. Вахтангова, во главе с А. Ортоком, Ленинградского академического театра драмы им. Пушкина, Малого оперного театра, фронтового театр выпускников ГИТИС, бригады артистов саратовских, казанских и молотовских театров, молодежный фронтовой театр ВТО и другие.

ФИЛЬМ О ДЕКАДЕ СОВЕТСКОЙ МУЗЫКИ

Алма-атинская студия кинохроники выпускает в ближайшее время киножурнал «Советское искусство», посвященный декаде советской музыки республик Средней Азии, состоявшейся недавно в г. Фрунзе. Режиссер Я. Посельский и оператор Б. Макассев засняли выступления делегации пяти республик, принимавших участие в декаде. — лучшие певцы, музыканты, дирижеры. В фильм войдут также обильные встречи руководителей партии и правительства Киргизской ССР с участниками декады.

Московская хроника

Комитет по делам искусств предложил концертным организациям провести систематическое обслуживание трудящихся средствами массовой культуры, внебюджетную практику организации колхозных филармоний.

Концерт мастеров калмыцкого искусства по главе с народной артисткой СССР Кулиш Байсановой состоится сегодня, 8 августа, в Колонном зале Дома Советов.

Студия эстрадного искусства создается в крупных концертных организациях Управления по делам искусств при СНК РСФСР.

Комитет по делам кинематографии объявил благодарность коллективу Ленинградского студийного киноискусства, в частности тяжелым условиям создания фильма «Ленинград в боях». Выделено 15 тысяч рублей на премиальное пособие отличившимся работникам монтажного, звукового, осветительного и других цехов студии.

Джаз Всесоюзного радиокomiteта под управлением Александра Цыганова ирландия из числа коллективов по Запону фронту. За это время коллектив дал 90 концертов. Сейчас джаз возобновляет работу перед микрофонными фронтами. Будет систематически выезжать в районы обслуживания частей Действующей армии.

Умогли К. С. Станиславского вчера, 7 августа, в день четвертой годовщины со дня его смерти соборили его друзья, ученики, артисты МХАТ СССР. Там же им. Станиславского и Империализма-Инженеро. Среди присутствовавших — жена Константина Сергеевича народная артистка РСФСР М. П. Ляпина, его дочь и внуки. Могилу К. С. Станиславского похоронили рядом с могилой А. П. Чехова. Все они обложены венками из живых цветов. Отмечая день траурной годовщины, собравшиеся возложили на могилу Константина Сергеевича много живых цветов.

Комитет по делам искусств было предложено 7 августа несколько новых произведений, написанных поэтами и драматургами для эстрады. Свои новые вещи читали С. Маршак, Л. Лент, Арг. Л. Опалин, П. Солодарь и др. Артистка А. Никиткина прочла поэму А. Мариенгофа.

В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ

Президиумом Союза советских писателей СССР организовано Президиум, Задача Президиум — содействовать творческой работе писателей, членов ССП, в дни отечественной войны. Президиум консультирует писателей по вопросам творческим вопросам, устанавливает связь между работниками писателей и радиовещанием, Советским Информбюро, центральной прессой, литературно-художественными журналами, издательствами, ТАСС, Комитетом по делам искусств и Комитетом по делам кинематографии.

СОВЕТ ЛИТФОНДА СССР

Президиум Союза советских писателей и Комитет по делам искусств утвердили Совет Литфонда СССР в составе: В. Ставского, К. Тренева, Л. Леонова, С. Маршак, К. Федин и В. Шникова.

В ПОМОЩЬ ПИСАТЕЛЯМ ЛЕНИНГРАДА

Свыше ста писателей Ленинграда находятся в рядах армии и флота; значительная часть писателей эвакуирована в глубь страны. Организация Союза советских писателей в Ленинграде работает интенсивно и плодотворно. Недавно ленинградцы прислали в Москву для издания 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции альманах в 10 печатных листов. Подготовлены материалы и для ряда других изданий. Президиум Союза писателей решил организовать систематические поездки ленинградских писателей всех выходящих литературных новиков. Президиум ССП будет осуществлять связь ленинградского отделения Союза писателей с редакциями и издательствами.

БЮРО ВОЕННОЙ КОМИССИИ

Утверждено бюро военной комиссии Союза советских писателей. В состав его вошли: П. Павленко (председатель), Ю. Либенский (отв. секретарь), С. Вапенник, П. Капана, М. Колосов, В. Панов, В. Ставский, А. Сурков, С. Шничаев.

НОВЫЕ ЧЛЕНЫ ССП

На очередном заседании президиума Союза советских писателей приняты в число членов союза поэты Л. Мартынов, Ондра Лисогорский и детская писательница Т. Габбе.

Плакат художника В. Иванова. Издательство «ИСКУССТВО».

Гастроли Государственного джаза РСФСР

В течение последнего года Государственный джаз РСФСР совершил большую гастрольную поездку по Уралу, Сибири, Алтаю, Дальнему Востоку. Джаз выступал в крупнейших промышленных центрах, на заводах, в шахтах, на кораблях, на пограничных заставах. Стахановцы тыла, бойцы и командиры Красной Армии высоко оценили работу коллектива. В приказе войскам на Дальнем Востоке говорится: «Коллектив джаза во главе с Л. Утеусовым оправдал оказанное доверие по культурно-художественному обслуживанию бойцов и командиров. Разнообразная, бодрая, жизнедающая программа пользовалась большой популярностью. Командование объявило благодарность артистам джаза и его художественному руководителю Леониду Утеусову. По окончании гастрольной поездки Государственный джаз РСФСР провел несколько дней в Москве, а сейчас направляется на Калининский фронт.

Перед отъездом в Действующую армию заслуженный артист республики, Леонид Утеусов рассказал нашему сотруднику: — В течение года мы подготовили много новых произведений, посвященных героим отечественной войны. По окончании выступления на Калининском фронте мы вернемся в Москву, и в двадцать числах августа начнутся концерты джаза в фронтовой бригаде «Фронт». Мы исполним песни: «Мишка», «Ю перерона» и «Жизнь», «Партизан Морозко», «Жизнь» на текст К. Симонова и другие. На эту песню «Жизнь» «Два артиста», «Землянка», джаз-фантасия «Фильмада» и др. В числе номеров нашей новой программы джаз исполнит в Москве впервые «Славянскую джаз-фантасию», оставленную из славянских народных песен и произведений славянских композиторов.

Неуловимый Ян

Вряд ли еще где-нибудь можно наблюдать такие стремительные передвижения. На месте, где только недавно высились крепостные стены старинных грузинских замков, сияет светом и металлом просторная студия Пражской радиостанции.

Гостиница «Облагора» приглашает в Тбилисскую киностудию граждан для съемки фильма на быта современной Чехословакии. Картина «Георгий Сааквадзе», еще недавно занимавшая декорациями старинных замков всю площадь студии, выложена. Она уступила место «Неуловимому Яну» — фильму о пражском юноте, смелом и честном борце за дело народа.

На одной из аллей парка раскрывались уютные летние пражские кафе. За столиком трое молодых людей — Мильча, Янчар и Ин. Ярослав и Ин были студентами Пражского университета. Немцы разгромил университет. Мильча, пражская девушка, поит в сумке гневные антифашистские листовки и раскладывает их посылку. В этих молодых людях, сидящих за столиком кафе, символизируются современная Чехословакия, прилавленная, но не сдающаяся.

Мильча надо немедленно уехать из Праги. Ее выследили, ей грозит большая опасность. Ян собирается в очередную «путешествие». Но ему нужна спутница: свадебное путешествие — короткий предлог, чтобы не вызвать подозрений в гестапо. Ярослав, влюбленный в Мильчу, знакомит ее с Яном и соединяет их для совместной поездки. Двое почти невзрачных людей совершают путешествие под видом мужа и жены. Ян замечает, что, странным образом, там где они побывали, появляются на стенах антифашистские листовки. Его возмущает легкомыслие и безразличие Мильчи. Она же считает его обвинение признаками трусости и даже предательства.

В. СТАМБУЛОВ МАРСЕЛЬЕЗА

В знойные июльские дни 1792 г. по дорогам Франции к Парижу двинулся отряд в несколько сот человек. Путь его лежал вдоль цветущей долины Роны, среди холмов Прованса, между виноградниками Бургундии и Луары.

СТО ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СО ДНЯ ПЕРВОГО ТОРЖЕСТВЕННОГО ИСПОЛНЕНИЯ В ПАРИЖЕ

И песня переживала уже в могучий, властный призыв: «К оружию, граждане! Формируйте батальоны!»

Впереди! В поход! Пусть нечистая кровь мылает наши нивы! Певцы окружали, их просили петь снова и снова. А на утренней заре, когда с той же песней отряд скрывался за поворотом дороги, жители спрашивали друг у друга: — Как называется эта песня? Один называл ее «Походной песней Рейнской армии», другое — «Маршем марсельцев». Но вскоре народ повсюду окрестил ее кратким именем «Марсельеза».

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО